

Актуальные вопросы изучения советской социальной политики 1917–1929 гг.

Татьяна Смирнова

Topical issues in the study of Soviet social policy in 1917–1929

Tatiana Smirnova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722010010

Историографическая ситуация и постановка проблемы. Серия столетних юбилеев последних лет (Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны) стимулировала историков и представителей смежных наук (социологов, философов, политологов, культурологов, историков экономики и др.) к подведению промежуточных итогов изучения этого поворотного для отечественной истории периода, который всё чаще рассматривается как гомогенный («время войн и революций»), а также его ближайших последствий, уходящих в 1920-е гг. Вышедшие в рамках юбилеев работы и вспыхнувшие вокруг них дискуссии позволили выявить наименее изученные и спорные аспекты проблем, а также актуальные исследовательские задачи.

В центре внимания вполне ожидаемо оказались такие сюжеты, как переосмысление причин революционных событий и роли в них различных социальных групп; сравнение событий Февраля и Октября 1917 г., осознание степени преемственности процессов и наличия альтернативных путей развития России; характеристика оппозиционных большевикам вооружённых сил и политических движений; «красный» и «белый» террор; судьбы «бывших» и т.п. Кроме того, обобщение итогов изучения революции и её последствий способствовало оживлению концептуальных дискуссий о тоталитаризме, социальной базе советского режима 1920–1930-х гг., особенностях формирования в России гражданского общества, а также специфике «социального государства» советского типа.

В то же время приходится признать, что напрямую выходящая на многие перечисленные выше концептуальные или дискуссионные вопросы проблема социальной политики большевиков осталась практически за рамками научно-исторических и политических дискуссий. Между тем исход Гражданской войны и дальнейшая судьба России во многом определялись характером и приоритетами социальной политики противоборствующих сторон, степенью привлекательности их лозунгов для рядовых людей в тылу и на фронте, а также способностью воплотить эти лозунги в жизнь. Проблемы преемственности с досоветским прошлым страны, новизны и актуальности для общества преобразований большевиков в социальной сфере, их соответствия общемиро-

© 2022 г. Т.М. Смирнова

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многолетней истории России. Публикуется в целях апробации.

вым тенденциям эпохи тоже представляются нам ключом к пониманию многих дискуссионных вопросов ранней советской истории. В частности, ответить на вопрос о наличии либо отсутствии в Советской России элементов гражданского общества и «социального государства» невозможно без объективной оценки декларируемых социальных лозунгов и методов их воплощения в жизнь, характера взаимодействия власти и общества в решении тех или иных задач.

Несмотря на значительную отечественную и зарубежную историографию преобразований большевиков в социальной сфере, проблема комплексного исследования социальной политики как целостного исторического феномена, а не отдельных её направлений, остаётся слабо изученной. Приходится признать, что это в известной степени обусловлено неопределённостью самого предмета исследования, расплывчатостью его границ. При понимании того, что в социальной политике существуют два основных актора – государство, формирующее её, и общество, выступающее объектом её приложения, – моя позиция заключается в широкой трактовке данной проблематики, поскольку трудно найти аспекты экономики, культуры, демографии и т.д., которые не имели бы прямого или косвенного отношения к социально-политической сфере и существовали бы автономно от общества и его институтов. Социальное обеспечение, охрана труда, здравоохранение и жилищная политика; охрана материнства и детства, семейная политика и политика в отношении женщин; особенности развития общественных инициатив; развитие системы образования и сферы досуга; формирование повседневно-бытовой и праздничной культуры – всё это входит в сферу социальной политики.

Возникают вопросы: каким образом объединить эти сюжеты в рамках одного исследования? И насколько целесообразно такое объединение, не превратится ли столь громоздкая исследовательская конструкция в «лоскутное одеяло», не имеющее научной ценности? Как реконструировать такой сложный, противоречивый и многоуровневый общественно-исторический феномен, чтобы получить целостную, научно значимую картину?

Для ответа на эти вопросы необходим хотя бы краткий исторический экскурс. Первые научные трактовки содержания «социальной политики», её объекта, субъекта, целей и методов разработали в конце XIX в. немецкие экономисты и социологи, входившие в международное экономическое общество «Союз социальной политики» (В. Зомбарт, О. фон Цвидинек, А. Вагнер и др.). В XX в. эта тема стала традиционной для западных исследователей¹, проявлявших интерес также и к социальной политике послереволюционной России². Напротив, в советской историографии теоретико-методологические основы изучения данной проблемы долгое время оставались в тени. «Социаль-

¹ Подробнее см.: *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 32.

² Среди ранних зарубежных исследований наибольшую известность получили работы американских и немецких учёных, посвящённые советской системе социального обеспечения (см., например: *Madison B.* Contributions and problems of Soviet welfare institutions // *Social Problems*. 1960. Vol. 7. № 4. Symposium on social problems in the Soviet Union. P. 298–307; *Madison B.* Social welfare in Soviet Union. Stanford, 1968; *Nove A.* Is the Soviet Union a welfare state? // *Soviet society. A book of readings* / Ed. by A. Inkeles, K. Geiger. Boston, 1961; *Osborn R.J.* Soviet social policies: welfare, equality and community. Homewood (Ill.), 1970; *Rimlinger G.V.* Welfare policy and industrialization in Europe, America and Russia. N.Y., 1971; *Vogel H.* Gesellschaftliche Konsumtionsfonds als Instrument der sowjetischen Wirtschaftspolitik. Berlin, 1971; *Beyme K.* Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunionim Systemvergleich. München, 1977.

ная политика» как таковая не являлась самостоятельным объектом исследования, будучи разделена на социально-политические, социально-экономические и социально-демографические составляющие. В результате отдельные вопросы, относящиеся к сфере социальной политики, рассматривались в рамках изучения таких проблем, как борьба за бесклассовое общество, уничтожение эксплуататорских классов и изменения в социальной структуре; национализация промышленности и законодательство в сфере трудовых отношений; история профсоюзов; улучшение жилищных условий трудящихся и обеспечение их бесплатной медицинской помощью; преобразования в сфере образования, культуры и досуга, и т.п.³ Показательно в этом отношении, что подготовленная в 1960-х — начале 1970-х гг. многотомная «История СССР с древнейших времён до наших дней» не содержит специальных разделов, посвящённых социальной политике. В седьмом томе, охватившем период с 1917 по 1920 гг., нет даже общей характеристики декларируемых большевиками социальных приоритетов, целей и задач, а сюжеты, связанные с преобразованиями в этой сфере, разбросаны по разным главам⁴. В значительной степени это объяснялось отсутствием в советской историографии тех лет самой дефиниции «социальная политика». Нередко её отождествляли с более узкими по своему содержанию понятиями «социальной защиты» и «социального обеспечения», изучение которых фактически сводилось к реконструкции их институциональной организации, прежде всего, деятельности наркоматов социального обеспечения, труда и здравоохранения.

Первая волна интереса к теоретическим аспектам социальной политики в СССР связана с оформлением концепции «развитого социализма», обусловившим разработку в конце 1960-х — начале 1980-х гг. теоретических вопросов социальной политики в рамках строительства социализма⁵. К этому же периоду относятся и первые исследования советской социальной политики как комплексной научной проблемы⁶. В результате было выработано понимание особой «социалистической социальной политики», направленной на постро-

³ Историографию проблемы см.: *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011. С. 15–25; *Льбина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 21–65; *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 275–295; *Рябинина Н.В.* Социальная политика Советской России (октябрь 1917 — 1920-е годы). Женщина, семья, дети в новом обществе. Ярославль, 2004.

⁴ История СССР с древнейших времён до наших дней. Сер. 2. Т. VII. Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в СССР 1917–1920 / Под ред. В.М. Слущкой. М., 1967.

⁵ См., например: *Вдовин А.И.* К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 2. С. 3–13; *Волков Ю.Е., Роговин В.З.* Вопросы социальной политики КПСС. М., 1981; *Попков В.Д.* Социальная политика Советского государства и право. М., 1979; Социальная политика Советского государства и рабочий класс. Вопросы методологии, историографии, источниковедения / Под ред. В.З. Дробижева и др. М., 1988; Социальная политика Советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985; Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки / Под ред. Э.В. Клопова и др. М., 1977; и др.

⁶ *Баева Л.К. В.И.* Ленин и осуществление первых мероприятий Советской власти в области социальной политики (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. Т. 84. М., 1969.

ение бесклассового общества. Однако проблема её смыслового содержания и исследовательских границ по-прежнему оставалась открытой⁷.

Новый этап в развитии отечественной историографии проблемы связан с ростом в 1990-х гг. популярности историко-антропологических подходов и развитием социальной истории как особого направления. Первые предложенные отечественной историографией дефиниции социальной политики не выходили за пределы привычных методологических установок и исходили из постулата о том, что социальная политика является «составной частью внутренней политики государства»⁸. Различия касались лишь степени расширения предметного поля. В результате история социальной политики представляла собой перечень принятых властью законов, распоряжений и инструкций, частично затрагивая также методы их реализации и полученные результаты.

Такое понимание социальной политики, несомненно, отражает лишь часть этого сложного и многоуровневого явления, в формировании которого, наряду с политическими и государственными институтами и деятелями, важную роль играют культурные и религиозные традиции, национальные обычаи, устойчивые социокультурные практики. В рамках социальной (а не политико-экономической) истории субъект социальной политики не ограничивается государством, а включает в себя также общественные институты и совокупность индивидуумов⁹. Е.И. Холостова, например, понимает социальную политику как, с одной стороны, «искусство соединения человеческих интересов, интересов индивидов и государства, различного уровня человеческих общностей, групп в сфере социальных отношений», с другой — «систему постоянно возобновляющихся взаимодействий государственной власти, негосударственных структур, самой личности по вопросам жизнеобеспечения человека»¹⁰.

Несмотря на различные подходы к этой проблеме, в результате терминологических дискуссий конца XX — начала XXI в. в исторической и социологической литературе утвердилось широкое, интегральное понимание социальной политики как целенаправленной деятельности государства и общественных институтов в сфере социального развития в целом, направленной, с одной стороны, на регулирование общественных отношений, процессов социальной стратификации и формирование социальной структуры общества, с другой — на решение основных социальных проблем (охрана и стимулирование труда, обеспечение занятости населения, регулирование уровня доходов и распределения основных благ и ресурсов, улучшение жилищных и бытовых условий, охрана здоровья и т.д.). Иначе говоря, речь идёт о системе мер, предпринимае-

С. 255–274; *Баева Л.К.* Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 — конец 1918 гг.). М., 1977.

⁷ Показательно в этом отношении, что в энциклопедических словарях конца XX — начала XXI в. есть статьи «социальная революция», «социальная стратификация», «социальное законодательство», «социальное обеспечение» и «социальное страхование», но нет статьи «социальная политика» (см., например: *Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия.* М., 1987; *Большой энциклопедический словарь.* М.; СПб., 2002; и др.).

⁸ См.: *Баева Л.К.* Социальная политика Октябрьской революции... С. 4; *Зайнышев И.Г.* Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994. С. 6.

⁹ См.: *Баркер Р.* Словарь социальной работы. М., 1994. С. 38; *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 41; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»... С. 5; *Холостова Е.И.* Социальная работа: история, теория, практика. М., 2011. С. 223; и др.

¹⁰ *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 223.

мых государством и обществом в целях осуществления актуальных социальных программ¹¹.

Таким образом, социальная политика представляет собой сложный общественно-исторический феномен, в самом определении которого заложены внутренние противоречия. Помимо чрезвычайно широкого спектра исследовательских направлений, речь идёт также о неоднозначности субъекта, объединяющего власть, общественные институты и личности. Более того, и само государство, как справедливо отметила Холостова, представляет собой «сложносоставной и противоречивый субъект социальной политики, отдельные элементы или органы которого могут проводить различные виды социальных политик, не всегда согласованных друг с другом»¹². Между тем реконструкция и осмысление социальной политики в целом позволяют создать своего рода портрет общества, взглянуть на него сквозь призму характерных для него проблем и отношений в конкретный период нашей истории.

Будучи порождением и отражением определённой эпохи, аккумулируя в себе не только социальные, но и политические и экономические проблемы, социальная политика не статична. Это наглядно проявилось в её трансформациях с учётом изменяющихся реалий первого десятилетия советской власти. Так, отказ от политики военного коммунизма и введение нэпа внесли в неё заметные коррективы, наглядно продемонстрировав её тесную связь с экономическими и политическими условиями и способность к изменениям при сохранении основных принципов.

На мой взгляд, одна из центральных задач современного историографического этапа – от углублённой разработки отдельных исследовательских сюжетов перейти к обобщению накопленных знаний с целью комплексной реконструкции социальной политики различных периодов, анализа её принципов и приоритетов и определяемых ими базовых составляющих социальной программы в динамике. Как представляется, ключевым для понимания советской социальной политики является период её формирования, т.е. время Гражданской войны и нэпа. Возникавшая в годы жёсткого гражданского противостояния социальная политика большевиков была построена на глубоких внутренних противоречиях. С одной стороны, она должна была способствовать максимальному расширению социальной базы новой власти, а следовательно, опираться на популярные в народной среде (и отчасти популистские) лозунги, основанные на идеях социальной справедливости. С другой стороны, по отношению ко всем противникам новой власти и представителям бывших привилегированных слоёв она неизбежно должна была носить дискриминационный

¹¹ Подробнее см.: *Виноградова Е.В.* Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России. 2004. № 1. С. 6–52; *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 29–44; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»... С. 15–16; *Константинова Л.В.* К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 109–124; *Кончужов А.В.* Социальная политика как общественное явление: генезис, эволюция и теоретические подходы к пониманию // Вестник военного университета. 2011. № 4. С. 18–25; *Павлова И.П., Катцица Т.А.* Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март–октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 134; *Побережная О.Е.* Становление и развитие исторических типов социальной политики государства // Научные труды Республиканского института высшей школы (Минск). 2017. № 16. С. 129–136; *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М., 2005; *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 218–223; и др.

¹² *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 224.

характер. Принцип социальной справедливости вступал в противоречие как с классовым подходом, так и с задачами экономической целесообразности. Все эти противоречия так или иначе отражались в принимаемых властью решениях, приобретая ещё более острый характер на уровне политической практики — как в силу объективной невозможности для государства выполнить взятые на себя обязательства в условиях углублявшегося экономического кризиса, так и вследствие преобладания на местах революционного правосознания вместо норм права.

Классовый принцип подменялся соответствующей риторикой, а нередко и отходил на задний план, уступая принципу экономической целесообразности. Внутреннее противоречие было заложено уже в первой советской Конституции 1918 г., ст. 22 которой провозглашала равные права всех граждан, а ст. 23 лишала представителей бывших эксплуататорских классов целого ряда гражданских прав. Наблюдалось переплетение классового подхода и идеологического догматизма с прагматизмом, популистских лозунгов — с дискриминационными решениями, а демократических преобразований — с антидемократическими и даже откровенно карательными мерами.

Очевидно, что столь сложный и противоречивый исторический феномен невозможно адекватно охарактеризовать при помощи господствующих в современной историографии стереотипов и постулатов. Они требуют переосмысления с учётом новых источников, многие из которых ранее были недоступны, а также междисциплинарного подхода и современного исследовательского инструментария. Как справедливо отметил австрийский исследователь Р. Зидер, «отдельные социальные и гуманитарные науки отличаются друг от друга в первую очередь не “предметами” изучения, которые у них часто общие, но постановкой проблемы и используемыми методами»¹³. Сказанное напрямую относится к изучению социальной политики. В историографии это направление выполняет интегративную функцию, объединяя в себе элементы политической, экономической, гендерной истории, истории повседневности, демографии, политологии, социологии и культурологии.

Данная статья не является систематическим и всесторонним исследованием советской социальной политики. Задача автора — обратить внимание на наиболее актуальные проблемы её изучения, на неоднозначность некоторых устоявшихся и, на первый взгляд, очевидных стереотипов, на недопустимость упрощённых подходов и однозначных оценок.

Классовый принцип социальной политики в теории и на практике. Главным постулатом, на котором основана современная историография социальной политики послереволюционной России, является безусловное признание её выраженного классового характера. Между тем вопрос о практическом наполнении классового принципа далеко не так однозначен. Традиционно он трактуется как проявление дискриминации по признаку социального происхождения. Реальность же была намного сложнее.

Прежде всего, практическая реализация классового подхода требовала от представителей власти чёткого определения критериев классовой идентификации, которые на деле отсутствовали. Как справедливо отметила Ш. Фицпатрик, социальная идентификация в те годы «не имела никакого отноше-

¹³ Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. 1993. Issue 1. P. 163.

ния к реальной социальной структуре, зато имела самое прямое отношение к судьбе отдельного человека»¹⁴. При отсутствии чётких критериев и установок «сверху» вопрос о социальной идентификации граждан в первые годы после революции решался преимущественно на низовом уровне — представителями местной советской и партийной власти, руководителями учреждений, учителями в школе и т.п.

В результате в документах 1918–1920-х гг. в качестве социальных «классов» упоминаются рабочие, служащие и/или низшие служащие; капиталисты, помещики и дворяне; торговцы, кустари и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд; ремесленники, торговцы и крестьяне, использующие наёмный труд; лица свободных профессий; «бюрократический аппарат»; студенты; инвалиды; самогонщики, лица неопределённых занятий и безработные и ещё десятки самых разнообразных «классов», в действительности не имеющих никакого отношения к социальной структуре. Критериями для определения социального (в терминологии тех лет — «классового») статуса граждан, помимо их происхождения, могли стать профессия, занятие в настоящий момент (в том числе и временное — инженер, юрист, студент, мелкий торговец, домохозяйка, безработный); трудоспособность человека («инвалид») и даже место его рождения («гражданин такого-то города») ¹⁵. Ясности в понимании того, что такое «классы» и каковы критерии социальной идентификации, не было даже среди руководящих работников государственных и партийных учреждений, правовых органов. В частности, помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин, анализируя социальный состав тех, кто в период нэпа оказался связан с частным предпринимательством, в графе «социальное положение» указал: инженер, инженер-химик, инженер-дворянин, бывший адвокат, инженер-электрик, дьякон и т.п. В то же время в графе «профессия» он записал: купец 1-й гильдии, торговец и т.п. ¹⁶

Фактически можно говорить о том, что вплоть до конца 1920-х гг. в стране не были выработаны чёткие критерии социальной идентификации и на местах практиковалось произвольное «приписывание» граждан к тем или иным «классам», которые в подавляющем большинстве искусственно создавались облечёнными властью лицами в меру их собственных представлений ¹⁷. Это привело к крайней зыбкости социальной структуры советского общества с самого начала существования Советской России. У граждан сохранялась возможность довольно успешно маскировать реальное происхождение, однако власть при желании могла воспользоваться неопределённостью критериев классовой при-

¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 6.

¹⁵ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 44–52, 62–80, 145–150.

¹⁶ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. С. 232.

¹⁷ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России, 1917–1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2005. № 4. С. 89–97; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» — социальная категория или элемент идеологической риторики: к вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 396–406; *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!..

надлежности для отнесения людей к «социально чуждым» или иным дискриминируемым категориям.

Так называемые классовые стандарты (паёк, принцип распределения жилья, правосудие, образование и т.д.) стремительно проникали во все сферы жизни общества. Однако их реальное содержание в условиях социальной стигматизации граждан оказывалось значительно более сложным, нежели упрощённая картина дискриминации по признаку происхождения. Введение «классовых» стандартов — не только проявление репрессивных мер. Зачастую оно было обусловлено прагматическими целями первоочередного обеспечения наиболее «полезных» для общества трудящихся слоёв в условиях тотального дефицита ресурсов. Ситуация в стране и решение тех или иных конкретных задач вынуждали власть руководствоваться не только сугубо классовым подходом, но и учитывать другие факторы. Собственно, и приоритет рабочих в деле распределения ресурсов обосновывался в первую очередь именно прагматическими соображениями, а не идеологической догмой. «В стране, которая разорена, — писал В.И. Ленин в 1919 г., — первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы всё спасём и восстановим»¹⁸.

Тщательное изучение законодательно-распорядительных документов, регламентировавших систему соцобеспечения, предоставления различных социальных благ (как, например, жильё, продовольственное обеспечение, бесплатное образование и т.д.), свидетельствует о стремлении совместить в распределении скудных ресурсов «классовый подход» с принципами социальной справедливости (преимущественное удовлетворение наиболее нуждающихся, в том числе за счёт имущих слоёв), гуманизма (приоритетное снабжение детей и беременных женщин, забота об инвалидах) и экономической целесообразности. Так, в соответствии с «Положением о социальном обеспечении» от 31 октября 1918 г., это обеспечение распространялось на всех трудящихся, «независимо от характера и длительности работы, а также от того, работают ли они в государственных, национализированных, частных, акционерных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно». Далее (ст. 8) уточнялось, что пособия и пенсии не выдаются в случае сохранения заработка, несмотря на утрату трудоспособности. Если сохранялась лишь часть заработка, то эту часть следовало высчитывать из размера пособия или пенсии. В случаях «острых промышленно-хозяйственных кризисов» Наркомату труда предоставлялось право сокращать размер суммы всех получаемых одним лицом пособий (вместе с заработком и прочими доходами) до суммы минимального пособия (ст. 10)¹⁹. Размер пенсий красноармейцев-инвалидов зависел от степени утраты трудоспособности (от полной до частичной, но не менее 15%)²⁰.

Введённый в годы Гражданской войны «классовый паёк» также при ближайшем рассмотрении оказывается основанным в большей степени на целесообразном распределении продовольствия. Так, например, в сентябре 1918 г. решение Моссовета разделило всё население Москвы на четыре группы: «А» — рабочие, занятые тяжёлым физическим трудом; «Б» — рабочие, занятые лёгким

¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 38. М., 1969. С. 359.

¹⁹ Собрание узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1917–1918. № 89. Ст. 906.

²⁰ СУ РСФСР. 1918. № 58. Ст. 637; № 74. Ст. 810.

физическим трудом, и служащие; «В» – промежуточная группа; «Д» – дети. Для каждой группы были разработаны свои хлебные и продовольственные карточки, объём получаемого по ним продовольствия вошёл в историю как «классовый паёк», что позволило трактовать дифференцированное продовольственное снабжение как проявление классовой дискриминации. В ноябре совместным решением Петроградской трудовой коммуны и коллегии продовольственного отдела Моссовета введены общие для обеих столиц нормы «классового пайка». В июле 1919 г. продотдел Моссовета принял решение о дополнительном пайке для фабрично-заводских рабочих, занятых тяжёлым физическим трудом или работавших в условиях вредного производства.

К весне 1920 г. карточная система, до этого действовавшая лишь в крупных городах, распространилась на всё городское население. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О введении трудового продовольственного пайка» всё трудовое городское население обеспечивалось бесплатными продуктами по нормам, соответствующим трём основным категориям. Лучше других снабжались «рабочие физического труда, занятые в советских предприятиях и учреждениях», включённые в группу «А». С физиологической точки зрения это было обоснованно, поскольку работникам физического труда требуется больше калорий. Группу «Б» составляли «лица, занятые умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях», а также некоторые не работающие категории граждан: инвалиды; учащиеся старше 16 лет; лица, занятые уходом за детьми до 12 лет или домохозяйки из семей трудящихся, насчитывающих не менее трёх человек; наконец, беременные женщины, начиная с пятого месяца беременности. Самыми скромными оказались пайки группы «В», которыми обеспечивались лица, занятые на частных предприятиях, а также не эксплуатирующие чужой труд кустари, ремесленники и зарегистрированные безработные. По особой норме – выше группы «А» – снабжались рабочие и служащие предприятий, имеющих «особо важное государственное значение» (к таковым относились прежде всего оборонные заводы); работники, занятые «особо тяжёлым или вредным» трудом и те, чей рабочий день по технологическим и иным причинам превышал установленную норму. Усиленный паёк получали также дети до 16 лет, семьи красноармейцев и медико-санитарный персонал, занятый в борьбе с эпидемиями²¹. Такое распределение остро дефицитного продовольствия представляется вполне разумным и экономически обоснованным: продовольственные нормы зависели от значимости профессии и тяжести труда. Как известно, аналогичный принцип распределения практиковался и в годы Великой Отечественной войны.

К карточной системе добавилась постоянно развивавшаяся, сложная система спецпайков, отражавшая актуальные политические и экономические задачи того или иного периода. Так, в конце 1919 – начале 1920 г. большевики приняли меры по улучшению материального положения представителей «старой» научной и художественной интеллигенции. Привлечь их на свою сторону было важно как с политической, так и с экономической (в случае с технической интеллигенцией) точек зрения. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов» выдающимся учёным полагались «усиленное довольствие» (пайки, одежда, топливо), освобождение «от всякого рода повинностей (трудовой, военной и т.д.)», предостав-

²¹ СУ РСФСР. 1920. № 34. Ст. 165.

ление благоприятных для творческой работы жилищно-бытовых условий²². Для реализации этих решений в 1920 г. была создана Петроградская комиссия по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ), а в 1921 г. — аналогичные Московская и Центральная комиссии (МКУБУ и ЦЕКУБУ). 14 июня 1920 г. СНК РСФСР принял «Положение о пайке для особо ответственных и совершенно незаменимых работников центральных учреждений». В эту категорию вошли руководящие работники ВСНХ, Управления чрезвычайного уполномоченного Совета труда и обороны по снабжению Красной армии и флота, ВЦСПС и ЦСУ, а также находившиеся на их иждивении члены семей²³.

Условность «классовых стандартов» наглядно прослеживается также в жилищной политике и сфере образования, считавшихся в советской историографии безусловными достижениями советской социальной политики, а в постсоветской литературе трактуемых преимущественно в рамках классовой политики в качестве мер дискриминационного характера. В частности, М.Г. Меерович, автор серии трудов по истории советской жилищной политики, считает, что она носила исключительно репрессивный характер, а само «жилище» якобы выступало «средством дисциплинарного принуждения к труду и “правильному” образу жизни», «средством поощрения верности служения» власти. Утверждая, что большевистская власть «постулировала запрет народу проживать в “богатых квартирах”»²⁴, Меерович, видимо, забывает о тяжелейшей ситуации, сложившейся в жилищной сфере в России уже на рубеже XIX–XX вв. Известный экономист и архитектор того времени М.Г. Диканский относил жилищный вопрос к числу самых «жгучих» социальных проблем²⁵. В промышленных центрах рабочие жили в бараках, подвалах и так называемых угловых и коечно-каморочных квартирах, т.е. в квартирах, разделённых занавесками или тонкими перегородками на углы и секции, в которых помещались только койки, в лучшем случае — с табуреткой. Обследование этих квартир, проведённое в Москве в 1899 г., показало недопустимость проживания в них: «Если взять среднюю по своей обстановке коечную квартиру, то она окажется грязной, с испорченным воздухом, избилующей всякими насекомыми и во многих случаях сырой и холодной; в такой квартире помещается людей во всяком случае больше, чем следовало бы, и скученность населения доходит иногда до того, что становится непонятным, как могут жить люди в такой обстановке»²⁶. Случаи, когда предприниматели вкладывали средства в улучшение бытовых условий своих работников, имели место, но не стали типичным явлением. По данным переписи 1912 г., в Москве свыше 300 тыс. рабочих с семьями жили в антисанитарных условиях и 120 тыс. — в сырых подвалах

²² Декреты советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 427–428.

²³ Декреты советской власти. Т. IX. Июнь–июль 1920 г. М., 1978. С. 335–336.

²⁴ *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 11. См. также: *Меерович М.Г.* Советская репрессивная жилищная политика (по материалам ГА РФ и филиала РГАНТД) // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара, 2009; *Меерович М.Г.* Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 95–101; и др.

²⁵ *Диканский М.Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908. С. 1. См. также: *Вернер И.* Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской городской думы. 1902. № 19. С. 3; *Диканский М.Г.* Жилищная нужда и строительные товарищества. Харьков, 1908.

²⁶ Цит. по: Красная Москва. 1917–1920 гг. / Под ред. Л.Б. Каменева. М., 1920. Ст. 357–358.

и полуподвалах²⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других крупных городах²⁸. Рабочие больших фабрик ночевали в основном в бараках при них. Вот как выглядела типичная спальня фабричных рабочих начала XX в.: «Помещение спальни было уставлено сплошными нарами, расположенными в два яруса; только в головах нары были разделены досками, в ногах устраивались “скворечники” — ящики, где хранились хлеб, грязное бельё и другие вещи»²⁹. Как тут не вспомнить слова героя замечательного произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольников о том, что «низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят». «О, как ненавижу я эту конуру!», — с отчаянием говорил Раскольников Соне Мармеладовой. Аналогичные чувства испытывали миллионы жителей России. В годы Первой мировой войны в связи с массовым притоком беженцев из западных губерний в центр России проблема нехватки жилья стала ещё острее³⁰. Поскольку строить новое жильё в тех условиях было нереально, единственный выход заключался в «оптимизации» имевшегося жилищного фонда. Большевики попытались решить вопрос за счёт «революционного передела жилья» в пользу нуждавшихся путём выселений, уплотнений, подселений, муниципализации, а затем и демунципализации. В основе этой реформы лежали идея более справедливого перераспределения жилого фонда и стремление обеспечить жильём всех (в первую очередь — семьи трудящихся) за счёт изъятия «излишков» жилой площади у имущих городских слоёв.

О том, насколько неприглядной была эта политика с точки зрения тех, кого выселяли и уплотняли, всем известно благодаря блестящему произведению М.А. Булгакова «Собачье сердце». «В спальне принимать пищу, в смотровой читать, в приёмной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть... Но я не Айседора Дункан!.. Я буду обедать в столовой и оперировать в операционной», — эта гневная тирада проживающего в семикомнатной квартире профессора Преображенского в ответ на предложение «уплотниться» вызывает понимание в душах современных читателей. Это неудивительно. Все мы хотим спать в спальне, обедать в столовой, работать в кабинете, играть с детьми в детской комнате. Однако внимательный читатель не пропустит один, на первый взгляд, незначительный нюанс. Завершая разговор с комиссией по уплотнению, профессор просит предоставить ему возможность «принимать пищу там, где её принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской». Тем самым он исключил из числа «нормальных людей» миллионы рабочих и членов их семей, проживавших в бараках, угловых и коечно-каморочных квартирах и не имевших ни спален, ни столовых, ни детских.

²⁷ Баева Л.К. В.И. Ленин и осуществление первых мероприятий... С. 269.

²⁸ Подробнее см.: *Борджин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* Жильё фабричного рабочего в период дореволюционной индустриализации: сравнительный анализ архивной документации двух крупных мануфактур // Историко-экономические исследования. Т. 8. № 2. 2007. С. 122–162; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

²⁹ *Латицкая С.* Быт рабочих трёхгорной мануфактуры. М., 1935. С. 54.

³⁰ О бытовых условиях рабочих рубежа XIX–XX вв. см.: *Валетов Т.Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в.? // Социальная история. Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 176–196.

Если же отвлечься от блестящих художественных образов Булгакова, то нельзя не вспомнить, что подвальные и полуподвальные квартиры рабочих, перенаселённые бараки являлись рассадниками туберкулёза и других тяжёлых заболеваний. Тем самым решение жилищной проблемы оказывалось вопросом не только социальной справедливости, но и сохранения трудовых ресурсов, борьбы с эпидемиями, охраны материнства и детства, т.е. вопросом стратегического значения. Соответственно, задачу улучшения жилищных условий трудящихся нельзя рассматривать только с точки зрения классового принципа.

Система соцобеспечения, гарантированного продовольственного снабжения населения, обеспечения его жильём и т.п. корректировалась в соответствии с изменениями общей социальной-политической конъюнктуры. Так, в период Гражданской войны одним из приоритетных направлений социальной политики выступала забота о «красных командирах» и служащих РККА. Тяжёлая эпидемиологическая ситуация заставила власть обратить внимание на положение медицинских работников и членов их семей. В частности, в феврале 1919 г. государство распространило пенсионное обеспечение на семьи медицинских работников, погибших в борьбе с эпидемиями³¹.

Задачи индустриализации обусловили внимание правительства к повышению уровня жизни инженерно-технических специалистов. Ужесточение «классовой борьбы» в конце 1920-х гг. привело к ограничениям прав ряда представителей бывших привилегированных слоёв. Так, в 1929 г. постановление Совета социального страхования при Наркомате труда СССР лишило права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.³² Кроме того, в систему гарантированного социального обеспечения не были включены составлявшее подавляющее большинство граждан Советской России сельское население, а также «лишенцы» и «нетрудовые» элементы города.

Таким образом, сложившаяся в первое десятилетие советской власти иерархия социальных приоритетов представляет собой сложную и динамичную систему, не ограничивавшуюся рамками классового подхода. Реальная практика существенно отличалась от декларируемой политики, что особенно ярко проявилось на местном уровне, где классовый принцип оказывался ещё менее выраженным, всё более превращаясь в элемент политической риторики.

Институционализация и принцип системности в социальной политике: ответственность государства или тотальный контроль с его стороны? Во всех сферах социальной политики большевики последовательно проводили принцип централизации и государственного регулирования. Постепенно создавались единые централизованные государственные системы социального обеспечения и здравоохранения. Попытка создания аналогичной системы охраны детства увенчалась успехом лишь частично. Эти функции оказались разделены между наркоматами просвещения, соцобеспечения и здравоохранения, а охрана материнства и младенчества — между наркоматами здравоохранения и соцобеспечения. Но, так или иначе, происходила институционализация всех

³¹ Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения. Октябрь 1918 г. — июнь 1919 г. [М., 1920]. С. 35–36.

³² Постановление Союзного Совета социального страхования при Народном комиссариате труда СССР от 21 февраля 1929 г. «О лишении права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.» // Известия Народного комиссариата труда СССР. 1929. № 12–13. С. 197.

сфер социальной политики, что, с одной стороны, давало необходимые государственные гарантии соцобеспечения, медицинской помощи, образования, заботы о сиротах и т.д., а, с другой, нередко приводило к тотальному контролю государства, ограничивавшему реальные права и свободы граждан.

Если в советской историографии делался акцент на преимуществах институционализации социальной политики в Советской России, то в постсоветской, напротив, в большей степени подчёркиваются её негативные последствия. В частности, широкое распространение получило утверждение о полном уничтожении большевиками благотворительности, о монополизации государством права на социальную помощь и об отстранении от неё общества, более того — об уничтожении общественной инициативы в целом.

Действительно, в соответствии с новыми принципами, социальная помощь, медицинское обслуживание, забота о материнстве и детстве полностью переходили в сферу ответственности государства, которое принимало на себя обязательства по оказанию социальной помощи в объёме и формах, установленных законом. Все существовавшие до октября 1917 г. благотворительные общества и организации оказались упразднены. Нарком соцобеспечения А.Н. Винокуров не раз подчёркивал, что «всякого рода благотворительность, филантропия, нищенские подачки должны быть искоренены и заменены рационально поставленной социальной помощью». Например, соцобеспечение инвалидов должно заключаться в том, что они по возможности «должны быть вылечены, поставлены на ноги, снабжены протезами и обучены какому-нибудь ремеслу, дабы могли опять трудиться и не быть обузой для государства»³³. Однако общество не отстранялось от помощи нуждающимся, напротив, эта помощь приветствовалась и даже всячески стимулировалась.

Не справляясь со взятыми на себя обязательствами, государственные структуры ещё до окончания Гражданской войны сознательно делегировали обществу часть полномочий, поощряя частные инициативы, но одновременно направляя их в нужное русло и контролируя. Особенно ярко это проявилось именно в социальной сфере, в том числе в области охраны материнства и детства. Большое распространение получили инициированные властью (а следовательно, и регламентированные ею) разнообразные «общественные» кампании («недели беспризорного и больного ребёнка», «недели охраны материнства и младенчества», «кружечный сбор» в пользу голодающих детей, митинги, спортивно-гимнастические праздники и др.). В годы нэпа, когда большинство учреждений социальной сферы перевели на скудное местное финансирование, эта тенденция проявилась ещё отчётливее. О необходимости шире разворачивать общественную инициативу, поощрять создание «всевозможных вольных обществ и кружков среди рабочих и крестьян (например, кружки и общества технического просвещения, агрономии, изобретательства, радио, “друзей книги” и т.п.)» говорится и в решениях партийных съездов³⁴. Однако чем больше власть поощряла и стимулировала общественную активность, тем сильнее эта активность контролировалась ею, а добровольные организации срастались с партийно-государственными структурами. Фактически общественная помощь оказалась инкорпорирована в государственную систе-

³³ 1-й Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня (2 июля) 1918 года. М., 1918. С. 3–4.

³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 3. М., 1970. С. 253.

му, что, с одной стороны, нивелировало суть «добровольных общественных инициатив», с другой, — обеспечивало государственную поддержку (организационную, финансовую и проч.) общественным инициативам, признанным властью «полезными».

Противоречивое сочетание в политике 1920-х гг. поощрения и подавления общественных инициатив обусловило столь же противоречивые оценки этого явления исследователями. Одни убеждены, что революция 1917 г. преврала «естественное развитие добровольчества», и в развитии общественного движения, взятого под «твёрдое пролетарское руководство», начался «обратный процесс»³⁵. Другие, напротив, уверены, что именно после 1917 г. добровольческий труд приобрёл «эмоционально привлекательную самодостаточную форму практик общественной деятельности населения»³⁶. Обе точки зрения по-своему справедливы, но каждая отражает лишь одну из сторон более сложной и противоречивой реальности.

Проблема соотношения плюсов и минусов институционализации социальной политики выводит также на ряд других значимых вопросов: соотношение социального воспитания и семейных ценностей, проблемы усыновления и патронатного воспитания, вмешательство государства в семейные отношения и «женский вопрос». Эти и многие другие проблемы нуждаются в деполитизированном взгляде, свободном от стереотипов и устоявшихся штампов.

Переосмысление советской социальной политики не только даст возможность ответить на ряд значимых вопросов отечественной истории, но и поможет разобраться в ряде острых проблем современности. В частности, оценить достоинства и недостатки различных моделей социальной политики, рассудить спор о преимуществах резидуальной³⁷, меритократической³⁸ и институциональной³⁹ моделей⁴⁰. Реконструкция опыта 1920-х гг. в сфере социального воспитания будет интересна и полезна в рамках современных дискуссий вокруг ювенальной юстиции. Все эти сюжеты так или иначе выводят на вопрос о том, каковы допустимые границы государственного регулирования социальных процессов и вмешательства в социальные отношения, где именно проходит тонкая грань между помощью государства и контролем с его стороны.

³⁵ См., например: *Бредли Дж.* Добровольные общества в Советской России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 34; *Кудринская Л.А.* Генезис добровольческого труда в контексте исторического подхода // Омский научный вестник. 2006. № 9. С. 85; и др.

³⁶ *Горлова Н.И.* Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М., 2019. С. 151.

³⁷ Резидуальная модель социальной политики предполагает вмешательство государства лишь в крайнем случае, если прочие, «естественные» механизмы решения проблем граждан (личные способности и усилия, семья, друзья, рынок) перестают выполнять свои функции. Данная модель предполагает временную и минимальную помощь государства.

³⁸ В основе меритократической модели социальной политики находится государственная система социального страхования, распространяющаяся на трудоспособное население, занятое в общественном производстве.

³⁹ Институциональная модель предполагает универсальную помощь государства, имеющую превентивный профилактический характер и оказываемую в соответствии с установленными законами, нормами, правилами.

⁴⁰ Подробнее см.: *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 42–43; *Лозова Л.А., Немашкалова К.Г.* Анализ зарубежных моделей социальной политики // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2014. № 1. С. 120–128.